

УДК 321.01

Судебное право вечевой Новгородской республики XI–XIII вв.: история медиации в Древней Руси

С. М. Марков

Дальневосточный государственный медицинский университет, г. Хабаровск

Аннотация. В Великом Новгороде кроме княжеского суда были и не княжеские (альтернативные) судебные институты: вечевой, церковный, третейский (арбитраж), купеческий или торговый суды и просто переговоры спорщиков. Особый их статус в современной историографии не рассматривается в связи с укоренившейся в историко-правовом учении марксистской теории государства, а предпочтение отдается киевской модели права и суда. Альтернативное право Великого Новгорода представлено на основе социально-политической теории государства и культурного плюрализма.

Ключевые слова: Великий Новгород, не княжеское право и суд, медиация, АРС, вечевая Новгородская республика, «сместной» суд князя и посадника, храм Святой Софии.

Несмотря на богатейшую историографию по общественно-политической и правовой истории Древней Руси, в первую очередь Киевской (от «Повести временных лет» Нестора до наших дней), новгородское право и сегодня является темным пятном в историко-правовых исследованиях. И на то есть особая причина. Это плюрализм мнений об истории русской государственности (дискурс о норманской теории), споры о подлинности летописных списков по древнейшей истории Новгородской республики и укоренившаяся в сознании ученых марксистская теория государства.

В лучшем случае новгородское право упоминают целиком: от IX в. (иногда VII–VIII вв.) до XV в., или от призвания в Новгород варягов во главе с Рюриком до Ивана III, отказавшегося 14 декабря 1477 г. целовать крест на верность Новгороду и в дополнение забравшего с собой в Москву вечевой колокол. Но археологические раскопки не подтверждают на территории Софийской и Торговой сторон поселений IX в. Вместе с тем даже общий взгляд с вершины XXI столетия подсказывает, что пять столетий истории вполне можно оценивать в качестве отдельной локальной цивилизации, находящейся у истоков современной России, т. е. как древнерусскую цивилизацию с символом пятиглавого собора Святой Софии.

Другой логический оксюморон связан с проблемой наименования формы государственного устройства Древней Руси. В историко-юридической литера-

туре и политологии так и не утвердилась окончательная формулировка государственного строя Древней Руси. Приведем самые распространенные: 1) общинно-родовое образование в форме «военной демократии», 2) сословно-классовое государство с институтом княжеской власти, 3) раннефеодальное монархическое государство. И не в один из этих институтов Новгородская республика не вписывается. К тому же современные исторические факты и археологические открытия явно противоречат вышепредложенным формулировкам. Например, историки-юристы полагают, что слово «Русь» происходит от названия древнеславянского местечка «Рось». Мнение же лингвистов однозначное: буква «о» в «у» переделаться даже за столетия не могла. Это только один пример. Мы же полагаем, что княжеское правление подходит для Киевской Руси, но не Новгородской. И утверждение П. П. Толочко о том, что «верховным правителем страны (земли-княжества) был князь, обладающий законодательной и исполнительной властью» [18, с. 8], относится к киевским землям, но не Новгородской республики. Для обозначения новгородской политической системы более подходит термин, предложенный историком В. П. Даркевичем, – «Волховская вечевая республика» [3], из которого мы будем выводить не княжеское судебное право и древнерусскую модель альтернативного разрешения споров (далее – АРС).

Методологическое обоснование своих взглядов мы будем строить на основе парадигмы профессора Ю. А. Зуляра, представленной в ряде его публикаций в журнале «Известия Иркутского государственного университета» [4; 5], сравнивая ее с идеями профессора-правоведа И. А. Исаева [6; 7]. В целом, признавая значимость высказывания Ю. А. Зуляра о том, что «парадигма модерна, как и любая идеологическая конструкция, эклектична, утопична и исторична» [5, с. 25] и что «взамен ей ничего пока не предложено» [Там же], все-таки отметим важнейшие ее достижения для целей нашего исследования. Это окончательное развенчание мифов об историческом прогрессе, сформулированное в статье Ю. А. Зуляра «Модерн как парадигма и развитие ее в реальность» [5, с. 13–14].

Прежде всего отметим мифы 1, 3, 4. История Новгородской республики (модель не княжеского права и суда) свидетельствует о политическом и культурном плюрализме, находящемся у истоков российской государственности и цивилизации. Иными словами, однолинейность развития мира (1), прямолинейность прогресса (3), единообразие политического и общественного устройства (4) – это миф (мифологема), созданный в классовой теории государства в рамках киевской модели государственности. А реальная действительность показывает, что кроме Киева в начальной истории России была представлена и Новгородская вечевая республика, незаслуженно вычеркнутая из исторической памяти. Такие мысли, весьма не стандартные для современной политической науки, рождаются в ходе наших исследований, взятых в ракурсе мировоззренческой установки рационалистической парадигмы либерального модерна [5, с. 10]. Что же касается постмодерна, то новгородцы его прошли в период «Господина Великого Новгорода», т. е. в XIV–XV вв. И мы помним, чем этот период закончился (московской государственностью). В общем, как

говорит Ю. А. Зуляр, правоведам и политологам есть здесь над чем поразмышлять [5, с. 25]. Нам же данный подход дал возможность рассмотреть и выделить исторические архетипы АРС, или медиации, в истории Древней Руси, в частности в новгородском княжеском праве и суде.

Исследования современной историографии по древнерусскому праву показывают, что историков-правоведов интересует в первую очередь киевское право, а новгородское право представлено в целом и в связи с княжеским правом, исследование которого началось с монографии А. Е. Преснякова «Княжое право» [13; 14]. В советской и далее российской историографии термин «княжое право» в смысле государственного права окончательно стал доминирующим. С тех пор и по сей день под воздействием ленинской методологии в области государства и права княжеское право Древней Руси особым спросом не пользуется среди юристов-теоретиков, историков и политологов.

В шеститомном труде о судебной власти в России под редакцией О. Е. Кутафина, В. М. Лебедева, Г. Ю. Семигина в первом томе, посвященном началам судебной власти, главная роль отводится княжескому суду Ярослава Мудрого и его сыновей (Изяслава и Всеволодовича), а также Владимира Мономаха в киевских землях [10, с. 54]. Вскользь рассматриваются Новгородская и Псковская судебные грамоты XV в. как основа судебного права Волховской республики, оговаривается, что новгородское судебное право отличается от киевского [8, с. 79]. К сожалению, более ранний период судебной власти в коллективной монографии вообще не представлен. Примерно та же картина наблюдается и в других изданиях по истории отечественного государства и права (А. А. Зимин, В. И. Власов, Ю. Г. Алексеев, Р. Л. Хачатуров, М. Б. Свердлов, И. А. Исаев и др.). Классический пример – статьи и две монографии В. Е. Рубаника, в которых отдается предпочтение правосудию в Киевской Руси (гл. 8), а новгородское право представлено в самых общих чертах: «Государство, право и суд в Киевской Руси»: исторические очерки и новая доктрина древнерусского права и суда» [16]. Получается, что княжеский суд и правосудие, т. е. альтернативное право, вообще не имели места быть в древнерусской истории.

Сведения об участии князя в судопроизводстве Новгородской республики появляются с начала варяжского периода. Но чаще всего княжеский суд рассматривают как институт раннефеодальной монархии. Выражаясь языком логики К. Поппера и Т. Куна, скажем, что княжеское право, в том числе судебное, в общепринятую парадигму не вписывается.

Справедливости ради следует обратить внимание на последние диссертационные работы историков, юристов, философов в этой области, поставивших под сомнение исключительность княжеского суда. Это в первую очередь диссертации кандидатов юридических наук: а) А. В. Агафонова «Происхождение и источники древнерусского права VI–XII вв.» (Казань, 2006); б) П. Г. Барковского (СПб., 2010) о влиянии скандинавско-германских и византийских источников на формирование древнерусского права; в) Э. В. Салтыкова (СПб., 2010), посвященной историко-правовым аспектам формирования и развития судебной системы с IX по XVII в. Кандидатские диссертации по отечествен-

ной истории: а) Р. В. Новожеева (М., 2005) об атрибутах княжеской власти Древней Руси IX–XIII вв., правда, без учета атрибутики новгородской власти, что весьма показательно; б) С. Б. Чебаненко «Княжеский и народный суд в Древней Руси» (СПб., 2010) и др. Отметим докторскую диссертацию по филологии В. Н. Цыганова о феномене судебной власти в России (Ростов-на-Дону, 2011), в которой, правда в самых общих чертах, раскрываются социальные основания судебной системы, но совсем не поднимается вопрос о возможностях негосударственного правосудия, в нашем контексте – княжеского суда. Не разбирая все диссертации пунктуально по содержанию, все-таки отметим интересную позицию С. Б. Чебаненко, выдвинувшего на защиту и широкое обсуждение тезис о праве народного суда Новгородской республики XI–XIII вв., видимо, по аналогии с советским и китайским правосудием. Вряд ли вечевой и кончанский суды как административные единицы новгородского суда можно однозначно именовать «народными». В остальных работах по-прежнему происходит отождествление княжеского и вечевого судов и власти.

В свое время В. О. Ключевский назвал этот подход «патологией» теории государства и права. Тем не менее отождествление княжеской власти и судебной имеет место быть и сегодня. В рамках устоявшейся парадигмы мы как-то не задумываемся посчитать необходимое количество варягов-князей, хотя бы примерное, для всех судов славянских племен. Как известно, в XIII в. князей остро не хватало из-за увеличившегося количества столов-градов на Руси, а в более ранний период тем более. Так, в 1222 г. Юрий Всеволодович Владимирский (не всегда князь поступал на службу в Новгород из Киева – еще один исторический предрассудок) дал новгородцам за неимением других князей своего семилетнего сына «ради быша новгородьци, и бысть мир» [11, с. 60, 262]. И новгородцев этот дар вполне устроил, так как еще с древнейших времен утвердилось на вече правило «вольность в князьях».

Несмотря на то что Ярослав Мудрый (978–1054) первым из Рюриковичей поселился в самом Новгороде, он все равно княжил с оговорками своего суверенитета. Как сообщает «Повесть временных лет», дружина (варяги) Ярослава «творили насилие новгородцам и женам их. Новгородцы восстали и перебили варягов во дворе Поромоньем» [12, с. 97]. В ответ Ярослав, заманив «лучших новгородцев» в свою вотчину (с. Ракома), избил «воев славных (новгородцев. – Прим. С. М.) тысящи...» (кстати, мы полагаем, что речь идет о внутренних новгородских раздорах между политическими партиями «концов», так как избиение «тысячи» Торговой стороны произошло в с. Ракома, а не на поле брани). Тем не менее в награду за льготы по налогам, в том числе неподсудность княжескому суду, новгородцы оказали помощь Ярославу в войне против Ярополка Окаянного, сообщают краткая редакция «Русской Правды» и «Повесть временных лет».

Давление на Волховскую республику усиливается, в том числе символическое, под знаком «одинаковости». Князья осваивают Новгород. В 1036 г. Ярослав посадил на берега Волхова своего сына Владимира, который основал детинец (кремль). Но надолго князья в Новгороде не задержались. Наместничество князя, т. е. суверенитет, появилось в истории Новгорода с Александра

Невского и не сразу, а эволюционным путем в течение XIII в. и достигло расцвета в XIV–XV вв. В этот период в официальных документах он стал именоваться «Господин Великий Новгород». Именно в это время княжеские печати утвердились окончательно, и главным вопросом политической жизни стал вопрос о власти, прежде всего на землю (об этом свидетельствуют расшифрованные берестяные грамоты и новгородские акты).

Телесным воплощением власти Софии выступил русский закон («Русская Правда» и «Закон судный людем»). Иноземцам новгородцы стали навязывать Софию и Русскую правду. И судили тоже под их священными именами. Софья и «Русская Правда» у новгородцев выступили в роли Логоса (идеологии), а с приходом Логоса начинается и Суд (И. А. Исаев) [7, с. 71], т. е. авторитет, ритуал, традиция, универсальность с добавлением априорности закона [7, с. 103, 104].

Великий Новгород в XI–XIII вв. – это вечевая (боярская) республика во главе с князем («Русской Правдой») – держателем главной печати и идеологии, а также избираемым боярским вечем. Социальная основа боярской республики – бояре, дружина, духовенство, купцы разного рода гильдий, житьи и черные люди, земцы или своеземцы, смерды, закупы, холопы, наймиты и рабы (точнее, рабыни женского рода). Экономическая основа – торговоремесленный и ростовщический капитал (лишь с XIII в. класс землевладельцев-бояр становится доминирующим). Идеология – христианская религия Святой Софии, которая выступает в виде монономы саморегулирования через власть и правосудие.

Начиная с XI в. в Новгороде образовалась новая форма государственного устройства, посадник стал избираться вечем и, следовательно, выражать интересы городской общины. Впрочем, даже при назначении от князя его судьба определялась народным собранием и мнением бояр. В рассматриваемый период сложились две власти при одной политической надстройке: посадника и князя, но при верховенстве княжеской буллы. На первый план выдвигается политическая борьба между частями города и боярами, а не классовая, как это представлено в учебниках по отечественной истории государства и права. Этот нарратив тоже важен для наших исследований в качестве методологической установки.

Историографический обзор литературы по древнерусскому праву показывает, что историки-правоведы так и не смогли выйти за пределы идеологии классовой теории государства. Норманнская теория, несмотря на критику, утвердилась в отечественной историко-правовой науке в виде «киевской модели» княжеской власти. К сожалению, даже материалистическую диалектику (методологию) в большинстве случаев (особенно в диссертациях) используют или формально (на всякий случай, за неимением другой), или в трактовке «исторического материализма», где история государства и права представляется как история борьбы двух классов, а не всех общественных классов. Тем более, она совсем не отражается в политических, религиозных, философских и других идеологических учениях. В итоге княжеская власть и правосудие предстает в отечественных юридических доктринах безальтернативной и доминирующей.

Сам факт существования княжеского суда вряд ли кто-либо сегодня станет оспаривать. Княжеский институт судебной власти отмечен в древних юридических документах, например Новгородских актах, договорах как внутренних, так и внешних, летописях, книжных миниатюрах, правда, датируемых XVI в., археологическими раскопками и даже сфрагистикой. Судебные печати (на берестяных грамотах) князя и вечевой администрации различаются, но княжеских булл (печатей) XI–XII вв. найдено больше (всего известно около 400). Так, обнаружена печать Ярослава Мудрого начала XI в. с надписью «Ярослав – князь русский». На печатях посадников имела гравировка: «Новгородская печать посадника» (И. Д. Беляев).

Где же находился княжеский суд в Новгороде? Современные историки-правоведы, как само собою разумеющееся, место пребывания княжеского института судебной власти приписывают к княжескому двору (дворищу). И художник И. Билибин для серии «Картины из русской жизни» И. Кнебеля тоже изображает княжеский суд во времена «Русской Правды» в княжеском дворе. В центре картины князь, как бы списанный с новгородской иконы 1130 г. «Святой Георгий» (Ярослав Мудрый), опирающийся на меч (символ славянской и варяжской власти), в символической одежде княжеской власти (плащ-корзно из византийской ткани, застегнутой на груди золотой запоной, на голове шапка). Внутри судейского круга – тяжущиеся спорщики в руках дружинников. Справа от князя расположились бояре-судьи во главе с тиуном. Слева видятся стены детинца и белокаменный собор Софии. Художник как бы дает нам установку на восприятие княжеской власти и суда по формуле Даниила Заточника: «Князь щедр отец есть всем, слуги бо мнози отца и матери лишаются и к нему прибегают».

Но насколько соответствует художественный образ княжеской власти и суда действительности? Итак, есть мнение альтернативное, но не еретическое (Гете). Как его сделать, выражаясь словами И. А. Исаева, достоверным знанием о политике и праве Новгородской республики? Попробуем разрешить коллизию между княжеской и не княжеской властью и судом [8]. За правильным ответом обратимся к топонимике.

Новгородская, точнее Волховская, столица географически делится на две стороны, расположенные на противоположных берегах Волхова, – Софийскую и Торговую. Они, в свою очередь, делятся на округа и улицы, плюс прилегающие к ним сельские районы. Софийская сторона включает в себя Неревский, Загородский, Людин «концы», Торговая – Славенский и Плотницкий.

В XI в. на Торговой стороне располагались княжеский и гостиный дворы (кстати, двор – это в среднем 500 кв. м). В XII в. появляется готский торговый двор с церковью св. Олафа, немецкий двор на Прусской улице с церковью св. Петра и др. И здесь же находилось Ярославово дворище, т. е. княжеская резиденция: Ярославль, или Княж двор до XV в. Детинец находился на противоположном берегу реки, в центре которого возвышался собор Святой Софии – пятиглавый символ вечевой республики («Где София, тут и Новгород», – говорится в летописях и новгородских актах).

Первоначально Рюрик в 862 г., если верить Лаврентьевской и Ипатьевской версиям «Повести временных лет» Нестора, поселился в Городище (около истоков Волхова). Затем в 879 г., после смерти Рюрика, княжение приняли малолетний сын Игорь с опекуном Олегом, которые с радостью покинули болотистое русло реки и отправились покорять Киев и Смоленск. На Городище остались дружина и бояре (по-славянски огнищане). Возможно, и местные славяне вошли в состав княжеской администрации. В 1036 г. Владимир построил детинец на Софийской стороне. Но в кремле княжеская дружина надолго не задержалась, управляли они Новгородом издалека (Городища). В этом заключается принципиальное отличие княжеской власти Волховской республики от Киевской, Владимирской, Рязанской Руси. В Киеве князь – хозяин кремля, а в Новгороде он выполняет функцию республиканского правителя.

Если не в детинце, то где находились княжеская резиденция и суд? Историки, археологи, искусствоведы и, даже специалисты по граффити (баловались новгородцы настенной уличной живописью) в один голос выделяют четыре возможных места пребывания князя и его дружины: детинец около храма Софии, Ярославово дворище на Торговой стороне, Рюриково Городище (3 км от города, расположенное у истоков Волхова), село Ракома в 8 км от города.

Вероятней всего, княжеский суд располагался во всех княжеских дворах или судили князя с тиунами поочередно (в теч. XI–XIII вв.), то в Ярославовом дворе, то в с. Ракома. Кстати, тиуны входили в администрацию как князя, так и веча. Вечевые тиуны в новгородских актах именуются купеческими старостами. Статус загородного суда можно объяснить княжеским электоратом в лице смердов, т. е. сельских жителей Новгородской республики. Так, от новгородского суда князю полагалась лишь одна судебная пошлина – вира за убийство. Неслучайно так настаивают на ней все редакции «Русской Правды». Остальные же судебные пошлины и штрафы полагались Новгородской республике. А вот со смердов в пользу князя уплачивались пошлины. Смерды в Новгороде – княжеский электорат и ресурс власти, но под личную зависимость князя они не попадали: формально смерды находились под властью и опекой Новгорода (веча). Возможно, по этой причине новгородцы в качестве главной претензии неугодному князю, вплоть до Александра Невского, выдвигали основное обвинение перед отставкой: «Не блюдет смердь!».

В Ярославовом дворе находился купеческий суд (некняжеский), или торговый суд тысяцкого, в составе трех старост от бояр и двух – от купцов. Другое его название – «иванковский суд» («кто купец тот въ сто»), т. е. суд купеческой сотни при церкви Иоанна Предтечи на Окопах, построенной почитаемым в Новгороде князем Всеволодом Мстиславичем. Он же дал «Устав о церковных судах...» и «Рукописание» для церковных и коммерческих судов. Здесь же были прописаны немецкий и голландский торговые дворы и церкви, а при церквях и храмах приписаны были торговые и третейские суды, т. е. некняжеские. На первый взгляд, этот аргумент можно использовать в пользу княжеского, в том числе купеческого, суда. Однако летописи и новгородские акты точно свидетельствуют, что в XII – нач. XIII в. князь вместе с дружиной находились в Городище, а не в Ярославовом дворе.

Некняжеский суд (вечевой, церковный, третейский (арбитраж), окружной, уличанский, суд старост и просто переговоры спорщиков) мог находиться в любом районе города-полиса, где собиралось вече. Дело в том, что историки-правоведы умозрительным способом рисуют в своем воображении новгородский суд или с картины А. Васнецова «Вече во Пскове» или с книжных миниатюр XVI в., или судят о вечевом совете по древней записи: «...и бояре, и житьи люде, и купце, и черные люде, и весь господин государь великий Новгород, вся пять концев, на вече, на Ярославле Дворе, повелеваша...». Но есть и другая летописная запись: «Вече у святой Софьи, князь Борис Андреевич со всеми новгородци въведоша его поклономъ, и посадиша и въ владычни дворе..., кде митрополитъ» (1299 г.). Это вече точно собиралось, скажем, с момента избрания архиепископа Спиридона, по жребию (1229 г.).

Отнюдь не случайно современные историки не могут определиться с местом заседаний веча и суда: сказывается установка Даниила Заточника и Ивана Билибина. Так, в интересной в целом коллективной монографии «История социума и демократии» (СПб., 2007) вече именуется «народным собранием» под руководством князя: «Князь являлся в Новгороде высшей судебной и военной властью, руководил и управлял судом, скреплял сделки и утверждал в правах» [2, с. 134]. Однако далее следует оксюморон: роль князя определялась договорами (рядами), и без посадника он судить не имел права и договоры единолично не заключал. Авторы, как и принято в учебниках по истории Российского государства, сводят новгородское судопроизводство к Новгородской и Псковской судебным грамотам. Так, Совет господ появляется лишь в эпоху «Господина Великого Новгорода», а в XI–XII вв. его не было.

Самый достоверный вариант веча как высшего государственного органа власти представлен, на наш взгляд, в монографии В. И. Сергеевича «Вече и князь» (М., 1867) [17]. Вече (от старослав. – совет, от рус. – вещать, говорить) – это древнерусский парламент, т. е. дума или рада. Профессор по кафедре русского законодательства МГУ, историк-славянофил И. Д. Беляев считал, что вече собиралось на Ярославовом дворе под председательством посадника. Посадник «созывал и открывал собрание, предлагал на вече вопросы, требовавшие вечаевого обсуждения..., он смотрел за порядком и рассуждал с членами веча» [1, с. 189]. Иными словами, несмотря на обожествление княжеской власти (например, через формулу Даниила Заточника), для И. Д. Беляева вече – это собрание граждан, а не народная сходка.

Отнюдь не случайно историки не могут определиться с местом его заседаний. Ищут большую площадь, да еще и мощеную, способную вместить всех новгородцев и княжескую дружину. Не вдаваясь в детальный анализ, отметим мнение В. Л. Янина, согласно которому сместной суд (вечевой) находился в Людином конце (XII в.). Вариант, подтвержденный археологическими раскопками под руководством В. Л. Янина, нам представляется самым предпочтительным [19, с. 6–9; 22–23].

Итак, «народное вече» как собрание всех новгородцев, смердов и княжеской дружины – это плод художественного воображения историков-правоведов и политологов. На самом деле народное вече – это древнерусский

«парламент», возможно двухпалатный, поочередно возглавляемый или князем, или посадником (не лапотники были наши предки, а предпочитали носить благородные кожаные сапоги, в школе учились, а в свободное время в шахматы играли!). Более того, мы полагаем, что в Новгороде в зачаточной форме имелось *societas civilis* в том контексте, в котором его употребляют Л. Б. Кристаллинский и С. В. Баранов со ссылкой на Аристотеля и Цицерона [9, с. 66], де-факто понимавшие под гражданским обществом частную сферу социальной жизни, добавим, регулируемую государственным законом («Русской Правдой») и «гражданскими» нормативными актами, например идеалами Святой Софии и Библии.

В качестве подтверждения своей гипотезы приведем наличие в Новгороде, по крайней мере, двух партий: 1) «киевской» и 2) «варяжской». Термины собирательные, так как «варяжская» партия, в зависимости от конкретного времени, представляла интересы немцев, скандинавов, литовцев и даже арабов в начальный период. «Киевская» партия представляла интересы Владимира, Суздаля, Смоленска, Твери и, разумеется, Киева. Косвенно нашу гипотезу подтверждают исследования В. Л. Янина о посадниках и новгородских юридических актах. Эта идея будет нами развернута и обоснована позже. Здесь же отметим важную мысль: наряду с княжеским и сместным судами в Новгороде ежедневно функционировали вечевой суд (разных инстанций), церковный (верховный суд), кончанско-уличанский, третейский, ябедники-медиаторы (особая тема). Но это не означает, что они в буквальном смысле судили отдельно от княжеского суда. На деле их деятельность часто пересекалась, как и сегодня (см., например Федеральные законы «О медиации» № 193-ФЗ 2010 г. и «Об арбитраже (третейском суде)» № 382-ФЗ 2015 г.).

Главная палата не княжеского суда (посадника или церковного) располагалась на Софийской стороне. Совместный суд («сместной») князя и посадника располагался в Людином конце и представлял собой не народную сходку, а судебную палату, дом, избу и пр. Так, верховный церковный суд располагался в кремле, в Грановитой палате («владычной») новгородского архиепископа. Во время княжения Всеволода Мстиславича (после или около 1117 г.) сместной суд состоял из посадника и князя (формально), на деле судил посадник, утверждал приговоры своей печатью князь в лице бирича.

В ходе археологической экспедиции 1998 г. под руководством В. Л. Янина было обнаружено место постоянной прописки суда посадника, датированное XII в. Историки нашли около 100 судебных (берестяных) грамот и само здание судебной коллегии. Представим их краткое содержание в переводе В. Л. Янина: «От Мирослава к Олисею Гречину. Тут войдет Гавко полочанин. Спрашивай у него, где он стоит на постое. Если он видел, как я Ивана арестовал, поставь его перед свидетелями, как он ответит» (№ 502).

«От Смолига к Гречину и к Мирославу. Вы оба знаете, что я тяжбы не выиграл. Тяжба ваша. Теперь жена моя заплатила 20 гривен, которые посулили князю Давыду» (№ 603).

«От Негла к Петроку и к Якше. Взял в совместную аренду землю на 5 лет, а теперь соарендаторы пришли и согнали. Пусть же судит староста и Неслуй» (№ 821).

«Вот, Илька, меня обвинили. А погост заставил меня принести клятву. А я не должен ни векши. Пошли же судебного исполнителя на погост» (№ 834).

«Поклон от Ляха Фрарю. Если ты получил с русимы десять гривен, с Микулой пошли (их) сюда. Если же не получил, то получи, прошу тебя, причем взявши детского» (грамота № 615 в переводе Н. Б. Безуса).

Обратим внимание, что во время правления Мстислава, сына Владимира Мономаха, в Новгороде появился независимый от князя институт посадничества во главе с посадником-боярином. Этим объясняются послания из берестяных грамот, адресованные к официальным лицам Новгородской республики. Больше всего грамот адресовано Петроку и Якше.

Но и внутри судебной администрации имелись неофициальные переговорщики-примирители. Так, Олисей Гречин – это Олись Петрович Гречин – церковный судебный староста и по профессии известный художник-иконописец. В нескольких расшифрованных грамотах истцы обращаются к Олисею Гречину с просьбой оказать содействие в разрешении спора (примечательно, что без насильственного принуждения). Скорее всего (это наше предположение), грамоты № 502 и 603 относятся не к сместному суду князя и посадника или владыки, а к третейскому, т. е. суду старост и знатных новгородцев. Не обязательно в них истцы обращаются к властному принуждению. Возможно (более вероятно), в них идет речь о не княжеском и не посадническом суде, например о семейном или бытовом споре, за разрешением которого истцы обращаются за помощью к церковному старосте-иконописцу. Так, благодаря Уставам Всеволода Мстиславича (1095–1138) известно, что купеческий (торговый) суд отделился от княжеского и стал возглавляться тысяцким или попадал под юрисдикцию владыки: «А се приказываю своим наместником и тиуном: суда церковного не обидети, ни судите без владычня наместника...: что суды церковный, то святей Софии». Князь довольствовался годовой судебной пошлиной в 25 гривен серебром. Всеволод также дал Устав купеческому суду: «Любите кто вам добр, и казните злых». Это еще одно свидетельство в пользу концепта *societas civilis*.

Так, по нашему мнению, начинается в Новгороде не княжеское правосудие (альтернативное).

Список литературы

1. *Беляев И. Д.* Лекции по истории русского законодательства / И. Д. Беляев ; отв. ред. О. А. Платонов. – М. : Ин-т русской цивилизации, 2011. – 896 с.
2. *Буйчик А. Г.* История социума и демократии. В 2 кн. Кн. 1 / А. Г. Буйчик, Э. Ч. Зайнагабдинова, Е. В. Сорокина. – СПб. : СЗ НИИ КиПН, 2007. – 150 с.
3. *Даркевич В. П.* Вечевая республика на Волхове / В. П. Даркевич // Наука и жизнь. – 2000. – № 1. – С. 68–76.
4. *Зуляр Ю. А.* Кризис основных парадигм Модерна / Ю. А. Зуляр // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2015. – Т. 11. – С. 15–29.

5. Зуляр Ю. А. Модерн как парадигма и развитие ее в реальность / Ю. А. Зуляр // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2015. – Т. 13. – С. 9–27.
6. Исаев И. А. Метафизика власти и закона. У истоков политико-правового сознания / И. А. Исаев. – М. : Юрист, 1998. – 256 с.
7. Исаев И. А. Теневая сторона закона. Иррациональное в праве / И. А. Исаев. – М. : Проспект, 2015. – 368 с.
8. Исаев И. А. Истина и мнение в политике и праве / И. А. Исаев // История государства и права. – 2015. – № 13. – С. 3–7.
9. Кристаллинский Л. Б. Эволюция политической теории гражданского общества: критический аспект / Л. Б. Кристаллинский, С. В. Баранов // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2014. – Т. 8. – С. 65–72.
10. Кутафин О. Е. Судебная власть в России: начало формирования судебной власти: История, документы. В 6 т. Т. 1 / О. Е. Кутафин, В. М. Лебедев, Г. Ю. Семигин. – М. : Мысль, 2003. – 701 с.
11. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. А. Н. Насонова. – М., Л. : АН СССР, 1950. – 642 с.
12. Повесть временных лет / пер. Д. С. Лихачева, О. В. Творогова. – СПб. : Вита Нова, 2012. – 512 с.
13. Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий / А. Е. Пресняков. – СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1909. – 331 с.
14. Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь / А. Е. Пресняков. – М. : Наука, 1993. – 642 с.
15. Рыбина Е. А. Работы новгородской археологической экспедиции на Троицком раскопе 1998 г. / Е. А. Рыбина, В. Л. Янин, А. С. Хорошев // Новгород и Новгородская земля. История и археология : материалы науч. конф. Новгород, 26–28 янв. 1999 г. Вып. 13. – Новгород : Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого, 1999. – С. 5–10.
16. Рубаник В. Е. Государство, право и суд в Киевской Руси: историко-юридический очерк / В. Е. Рубаник. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 352 с.
17. Сергеевич В. И. Вече и князь: исторические очерки / В. И. Сергеевич. – М. : Тип. А. И. Мамонтова, 1867. – 424 с.
18. Толочко П. П. Власть в Древней Руси X–XIII веков / П. П. Толочко. – СПб. : Алетейя, 2011. – 200 с.
19. Янин В. Л. У истоков Новгородской государственности / В. Л. Янин. – Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2001. – 152 с.

Non-Prince Judicial Law of the XI–XIII Centuries of Veche (Popular Assembly) Novgorod Republic: Mediation of Ancient Rus

S. M. Markov

Far Eastern State Medical University, Khabarovsk

Abstract. In Veliky Novgorod besides prince law there were alternative (non-prince) judicial institutes: veche, ecclesiastical, arbitral, merchant, and debater negotiations courts. Their unique status isn't given proper consideration in modern historiography because of dominance of Marxist state theory in history and law science. Instead the Kiev model of law

and courts is preferred. Alternative law of Veliky Novgorod is based on socio-political theory of the state and cultural pluralism.

Keywords: Veliky Novgorod, non-prince judicial law and court, mediation (ADR), veche Novgorod republic, court of the prince and posadnik, Saint Sofia temple.

Марков Сергей Михайлович

*кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии*

*Дальневосточный государственный
медицинский университет*

*680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-
Амурского, 35*

тел.: 8(4212)305311

e-mail: er_mark@mail.ru

Markov Sergei Mikhailovich

*Candidate of Sciences (Philosophy), Associate
Professor, Department of Philosophy*

Far Eastern State Medical University

35, Muraviev-Amur st., Khabarovsk, 680000

tel.: 8(4212)305311

e-mail: er_mark@mail.ru